

Ю. В. Грачева, С. В. Маликов, А. И. Чучаев

СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ

Научный комментарий, текст,
сравнительные таблицы

Под общей редакцией
доктора юридических наук, профессора
А. И. Чучаева

Уголовный закон

Преступление

Обстоятельства, исключающие преступность деяния

Наказание

Особенная часть

Юлия Грачева

**Советское уголовное уложение
(научный комментарий, текст,
сравнительные таблицы)**

«Проспект»

Грачева Ю. В.

Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Ю. В. Грачева — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-219154-3

В работе представлено практически неизвестное современному российскому юристу Советское уголовное уложение, разработанное на основе Уголовного уложения 1903 г. Наркомюстом РФ к марту 1918 г. Являясь историческим источником – памятником права, оно отражает взгляды определенной категории ученых-юристов, ратовавших за преемственность в праве. В связи с этим в работе дается анализ основных положений уголовно-правовой доктрины, сложившейся к началу XX в.; раскрываются вопросы, относящиеся к уголовному закону, преступлению, обстоятельствам, исключающим преступность деяния, наказанию; дается характеристика ряда групп преступлений, отраженных в Особенной части Уложения. Приведены текст Советского уголовного уложения и сравнительные таблицы соотношения его норм с нормами Уголовного уложения 1903 г. Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, а также для всех интересующихся историей отечественного права вообще и уголовного права в частности.

ISBN 978-5-39-219154-3

© Грачева Ю. В.
© Проспект

Содержание

Введение	6
Глава I	9
Глава II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ю. В. Грачева, С. В. Маликов, А. И. Чучаев
Советское уголовное уложение
(научный комментарий, текст,
сравнительные таблицы)
Под общей редакцией
доктора юридических наук, профессора
А. И. Чучаева

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Введение

Настоящая работа находится на стыке двух отраслей знаний: источниковедения и истории уголовного права (как науки, так и отрасли законодательства). Первая понимается по-разному, например, как совокупность научно-вспомогательных дисциплин, относящихся к изучению и обработке исторических источников¹; одна из вспомогательных дисциплин, разрабатывающая методы изучения и использования исторических источников²; главная из вспомогательных исторических дисциплин, разрабатывающих теорию и методику изучения и использования исторических источников³; самостоятельная историческая дисциплина, изучающая, в частности, письменные исторические источники и проблематику теоретического источниковедения⁴; сумма наук или самостоятельный комплекс научных дисциплин⁵.

Все эти и другие определения источниковедения так или иначе связаны с понятием «исторический источник». Сущность последнего является дискуссионным⁶. Не вдаваясь в существо споров, отметим, что для решения задач настоящей работы представляется приемлемым определение, сформулированное К. Д. Петряевым: «Источник с большей или меньшей достоверностью... моделирует то или иное событие, процесс или явление исторической действительности. По отношению к исторической действительности источник есть *субъективный образ*»⁷.

Последнее утверждение для правового памятника является существенным (право имеет объективно-субъективный характер), основано в том числе на мнении Ф. Энгельса. В письме Конраду Шмидту от 12 марта 1895 г. он пишет: «... понятие о вещи и ее действительность движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой самой действительности»⁸.

Советское уголовное уложение⁹ как документ отвечает требованиям исторического источника. Оно практически неизвестно современному юристу. Более того, до сих пор даже точно не установлено, вступило ли Уложение в силу или так и осталось проектом, разработанным Наркомюстом к началу 1918 г. Доподлинно можно утверждать лишь одно: на практике оно не применялось и, вероятно, в том числе потому, что было критически воспринято большевиками. Так, по поводу данного Уложения Д. И. Курский писал, что была предпринята попытка «сочетать противоестественным браком пролетарскую демократию с буржуазной демократией»¹⁰. П. И. Стучка отмечал: «Старые законы были “сожжены”, и напрасно из уцелевших в этом пожарище обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить “уложения русской революции” (проект левых эсеров, весна 1918 г.) вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству»¹¹.

Некоторые советские авторы именуют Уложение инструкцией. Так, М. М. Исаев указывает, что составленная левыми эсерами Инструкция местным и окружным народным судам о применении уголовных законов противоречила самому духу советского законодательства, указаниям партии и высказываниям В. И. Ленина о революционном правотворчестве, сущности и задачах советских декретов ноября 1917 – июня 1918 гг. В основу Инструкции было положено Уголовное уложение 1903 г., число его статей было сокращено до 378¹². В ней были инкорпорированы и некоторые декреты советской власти. Затея оказалась нежизненной: данную Инструкцию суд не применял¹³.

Между тем на титульном листе Уложения написано: «Свод законов русской революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года».

Второй аспект работы – собственно исторический, вернее, истории уголовного законодательства 1917–1918 гг. В истории права особое внимание уделяется созданию отдельных правовых актов¹⁴. Между тем в официальной историографии уголовного права фактически нет упоминания об указанном Уложении. Советское кодифицированное уголовное законодательство практически начинается с постановления Народного комиссариата юстиции от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР»¹⁵. Создается искаженное впечатление, что до указанного акта советским законодателем разрабатывались и издавались лишь декреты, воззвания, постановления, положения и т. д., посвященные отдельным вопросам, требующим уголовно-правового регулирования.

Между тем к марту 1918 г. Наркомюстом был подготовлен фактически новый Уголовный кодекс, построенный по пандектному принципу. Вопреки некоторым утверждениям правовой документ не утрачивает своего значения, даже если он остался «в статусе» проекта. Наука уголовного права исследует такие проекты (например, уголовного уложения 1754, 1766 гг., уголовных кодексов, разработанных в советский и постсоветский периоды), делая по ним выводы по различным аспектам изучения права: правовой политике, социальной обусловленности норм, преемственности в праве, законодательной технике и т. д.¹⁶ Исключение из числа исторических источников Советского уголовного уложения из-за того, что оно не применялось на практике, приводит к искаженным представлениям по ряду наиболее принципиальных вопросов уголовной политики государства и уголовного права как отражения данной политики. Так, В. В. Мальцев, как и многие другие криминалисты, описывающие историю советского уголовного законодательства, пишет: «Концептуальные основы советского уголовного права были заложены в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г.»¹⁷. При этом он, конечно же, не учитывает, что до Руководящих начал указанные основы были отражены в Советском уголовном уложении, покоящемся на совершенно иных базовых принципах, чем данные Начала, главным из которых выступал принцип преемственности в праве. Пожалуй, именно это, а не какое-либо другое обстоятельство (в том числе и ссылка на эсеровский состав Наркомюста) стало истинной причиной того, что Уложение не было воспринято большевиками.

Представляя научный комментарий, авторы, как может показаться на первый взгляд, отклонились от своей задачи – дать толкование норм Советского уголовного уложения. Это сделано осознанно, по нашему мнению, указанный подход был бы целесообразен, если бы речь шла о «работающем» документе. Советское уголовное уложение – правовой памятник, в котором в той или иной мере нашли отражение уголовно-правовые идеи, разработанные в доктрине уголовного права. Поэтому особое внимание было уделено анализу теории уголовного права по наиболее существенным моментам: уголовному закону, преступлению, обстоятельствам, исключающим преступность деяния, наказанию и некоторым группам преступлений, выделенным в Особенной части Уложения. Такой прием вполне допустим; здесь нет искусственного сопоставления доктрины и законодательной практики, в целом относящимся к разным историческим периодам, характеризующимся разным социально-политическим строем. Все дело в том, что, как уже указывалось, Советское уголовное уложение основывалось на идее преемственности в праве. Поэтому было важно показать, что из доктрины уголовного права нашло отражение в его тексте.

Советское уголовное уложение во многом основано на Уголовном уложении 1903 г., поэтому авторы сочли необходимым представить сравнительные таблицы, в которых, во-первых, отражены полностью совпадающие нормы; во-вторых, показано соотношение норм указанных актов, данных в Уложении 1918 г. в новой редакции. Эти таблицы позволят будущему

исследователю истории развития уголовного законодательства объективно оценить самостоятельность Советского уголовного уложения или признать его производный характер от Уголовного уложения 1903 г.

Авторы будут благодарны всем, кто откликнется на эту работу, выскажет конструктивную критику.

Глава I

Советское уголовное уложение: предыстория и общая характеристика

Как уже указывалось, в основу Советского уголовного уложения было положено Уголовное уложение 1903 г. При этом следует заметить, что еще 19 января 1917 г. Николаем II была образована Комиссия по пересмотру данного Уложения. В ее состав входило четыре подкомиссии: 1) по пересмотру общей части Уголовного уложения; 2) по рассмотрению вопросов о религиозных преступлениях; 3) по рассмотрению вопросов о государственных преступлениях; 4) по рассмотрению вопросов о преступлениях печати. Возглавил комиссию сенатор, профессор С. Н. Трегубов, он продолжал руководить ею и после Февральской революции.

Сергей Николаевич Трегубов (Санкт-Петербург, 24.10.1866–29.07.1945, Биркенвердер, Германия) – известный российский военный юрист, криминалист, тайный советник, сенатор, общественный деятель. Участник Белого движения.

В 1888 г. с серебряной медалью окончил Императорское училище правоведения. Карьеру юриста начал в должности товарища (заместителя) прокурора в Новом Маргелане Ферганской обл., затем занимал аналогичную должность в Ташкенте, Витебске и Петербурге. В 1899 г. назначен прокурором Ташкентского окружного суда, откуда был переведен на такую же должность в Пензенский окружной суд. С 1906 г. – прокурор Санкт-Петербургского окружного суда.

С 1910 г. занимал должность старшего юрисконсульта Министерства юстиции. В 1912 г. под руководством С. Н. Трегубова создан кабинет научно-судебной экспертизы в Александровской военно-юридической академии.

С 1914 г. – член медицинского совета Министерства внутренних дел. В 1916 г. призван «к присутствованию» в первом департаменте Правительствующего Сената; командирован в Ставку в качестве консультанта по военно-судебным вопросам при начальнике штаба Верховного Главнокомандующего. В 1917 г. назначен ревизирующим сенатором. В 1919 г. – Первоприсутствующий сената Вооруженных сил Юга России; при генерале Врангеле состоял членом Высшей комиссии правительственного надзора. После эвакуации Крыма в 1920 г. поселился в Белграде, работал профессором в Белградском университете, был советником югославянского министерства внутренних дел, организовал в Королевстве сербов, хорватов и словенцев так называемую техническую полицию. Переиздал на сербско-хорватском языке некоторые свои научные труды.

В качестве делегата от Югославии принимал участие в Международных конгрессах криминалистов. Был действительным членом Петербургского юридического общества, ординарным профессором уголовного права Александровской военно-юридической академии и преподавателем Императорского училища правоведения (где впервые в России прочитал курс по криминалистике), председателем зарубежного Союза русских судебных деятелей, Общества военных юристов, несменяемым председателем Белградского отдела «правоведской кассы».

Награжден орденом Св. Станислава, орденом Св. Анны 1-й, 2-й, 3-й степеней, орденом Св. Владимира 4-й и 3-й степеней, орденом Бухарской золотой звезды 2-й и 1-й степеней с алмазами.

Основные работы: Настольная книга криминалиста-практика (1908 г.); Сборник заключенных Россией действующих конвенций о выдаче преступников и непосредственных сношениях русских пограничных судебных учреждений с иностранными судебными местами (1908 г.); Научная техника расследования преступлений (1912 г.); Основы уголовной техники: научно-технические приемы расследования преступлений (1912, 1915, 2002 гг.)¹⁸.

Результаты работы комиссии оценивались критически, они «оказались донельзя жалкими. Комиссия занялась в первую голову статьями, уже введенными в действие. В проекте, выработанном Комиссией, за исключением статей о религиозных и политических преследованиях, Уложение не подверглось необходимой, коренной переработке и пересмотру. Остались пресловутые 129 и 102 статьи¹⁹, правда, в иной, несколько смягченной редакции»²⁰.

Надо иметь в виду, что время работы комиссии С. Н. Трегубова – специфично. С одной стороны, сохраняется и действует дореволюционное законодательство, с другой – принимаются законы буржуазной революционной властью. При этом, как уже отмечалось, Временное правительство основывалось на преемственности права. Как впоследствии писали советские юристы, «сохранение и соблюдение незыблемости старых законов вплоть до осуществления отдаленнейшей перспективы – принятия новых законов Учредительным собранием – такова была политическая и “теоретическая” платформа Временного правительства в области законов Российской империи. На этой “платформе” в полном согласии сходились кадеты, эсеры, меньшевики, входившие в различные периоды во Временное правительство. Ни о какой ломке старого права, уничтожении старых законов и замене их новыми не было и речи»²¹.

В ряде актов Временным правительством правовая преемственность оговаривалась специально. В области уголовного законодательства предполагалось отменить лишь те нормы, которые, являясь наслоениями на судебные уставы 1864 г., извратили их сущность. По сути, провозглашался возврат к указанным актам. 23 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление «Об образовании Комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве и об учреждении Временного высшего дисциплинарного суда»²².

Исходя из этого, в журналах «Право», «Юридический вестник» и других правовых изданиях обосновывалась целесообразность старого законодательства. Так, Б. Кистяковский писал: «... Государственные и социальные реформы, проведенные правовыми путями, сразу приобретут общеобязательность и авторитетность. Правовая преемственность будет гарантировать им прочность и устойчивость. ... Непрерывность правового порядка, которая до сих пор соблюдалась, должна охраняться и в будущем»²³. А. Ф. Кони, наоборот, отмечал неполноту уголовного законодательства, его существенное отставание от жизни, однако при этом также предлагал умеренный вариант его обновления, в частности, считал необходимым совершенствование уголовно-правового регулирования ответственности за спекуляцию, незаконную продажу спиртных напитков, половые преступления против несовершеннолетних²⁴.

Помимо комиссии по пересмотру судебных уставов, в это время продолжала свою работу комиссия по пересмотру и введению в действие Уголовного уложения 1903 г. Комиссия рекомендовала отменить ст. 103–107 Уложения, предусматривавшие ответственность за различные виды оскорбления царя и членов его семьи. Статьи о государственной измене предлагалось оставить в прежней редакции, так как «теперь, во время войны, неудобно изменять законы о государственной измене, ибо это внесло бы расстройство в работу военных судов в действующей армии»²⁵.

Комиссия разработала законопроект, предусматривавший ответственность виновного «в публичном призыве или в призыве распространенных или публично выставленных произведений печати, письма или изображениях:

- 1) к учинению тяжкого преступления;
- 2) к учинению насильственных действий одной части населения против другой;
- 3) к неповиновению или противодействию закону или обязательному постановлению или законному распоряжению власти».

Наказание дифференцировалось в зависимости от обстоятельств времени совершения преступления: в мирное время деяние каралось заключением в исправительном доме сроком не выше трех лет, в военное время – срочной каторгой²⁶.

Временное правительство отменило некоторые уголовные законы, сущность которых не соответствовала новым политическим реалиям и организации государственной власти, 6 марта 1917 г. издало указ об амнистии. Кроме общей политической амнистии была объявлена воинская амнистия (14 марта 1917 г.), а также принято постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления» (17 марта 1917 г.)²⁷. В марте – июне 1917 г. Временное правительство предприняло ряд шагов по изменению норм, предусматривающих ответственность за деяния, посягающие на власть. В частности, постановлением от 17 марта 1917 г. дана новая формулировка ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривавшей ответственность за неисполнение распоряжений власти²⁸; 13 мая 1917 г. – новая редакция ст. 42 Устава. Кроме того, была предусмотрена уголовная ответственность за «участие в публичном скопище»²⁹.

Временным правительством были изданы и другие акты, изменявшие или отменявшие отдельные нормы особенной части уголовного законодательства. «В целом же уголовно-правовые акты... в ... период март – июнь 1917 г. характеризуются главным образом отменой некоторых царских законов, пришедших в явное противоречие с условиями “мирного периода Февральской революции”. Каких-то крупных реформ в области уголовного права Временное правительство не провело и не собиралось предпринимать. “Непрерывность правопорядка”, о которой писали... ученые во время Февральской революции, нашла свое прямое воплощение в законодательной деятельности Временного правительства»³⁰.

Оценивая законодательную деятельность Временного правительства, В. А. Рогов пишет: «Правительство не торопилось... с изданием отраслевых кодексов, особенно уголовного. Для его разработки существовали, конечно, объективные трудности: военные условия, частые правительственные кризисы и смена партийного состава, отсутствие единой политической линии и т. д. Однако высокий уровень уголовно-правовой мысли позволял быстро завершить разработку нового кодекса. Керенский имел влияние на высшие сферы юстиции до последних дней существования Временного правительства, а это могло обеспечить централизацию и успех разработки. Дело заключалось в том, что правительство не прилагало усилий к форсированию новой кодификации уголовного права»³¹.

Думается, что подобного рода оценка характеризует упрощенный подход к становлению и развитию законодательства вообще и уголовного в частности. По мнению автора, «факт “сохранения” старого уголовного права свидетельствует о том, что оно, в сущности, устраивало Временное правительство любого состава. Появилась возможность регулировать уголовно-правовую сферу циркулярами, распоряжениями и приказами...»³².

В этом случае не учитывается ряд моментов. Как показывает исторический опыт, в том числе и советской власти, в первый период существования новой власти имеет место реакция на возникающие актуальные требования постреволюционного времени, в связи с этим правовое регулирование осуществляется наиболее мобильным путем – принятием манифестов, декретов, воззваний, циркуляров, распоряжений, приказов, инструкций, наказов и т. д. Уже указывалось, что сохранение старого уголовного права было принципиальной позицией как власти, так и уголовно-правовой доктрины, и та и другая исходили из преемственности права.

История не знает случая, чтобы пришедшая на смену свергнутой новая власть за несколько месяцев сумела бы подготовить и принять хоть какой-либо отраслевой кодекс, не говоря уж об уголовном. Вначале «нарабатываются» законодательный материал и судебная практика, затем они обобщаются, научно осмысливаются и, исходя из уголовно-правовой

политики государства на конкретно определенном отрезке времени, воплощаются в соответствующем кодексе. Именно по такому пути развивалось и советское уголовное право.

Советское уголовное уложение разрабатывалось комиссией Наркомюста РСФСР.

Народный комиссариат юстиции (Наркомюст) – государственный орган, осуществляющий непосредственное руководство судами и прокуратурой. Наркомюст входил в число первых народных комиссариатов, образованных в соответствии с декретом «Об учреждении Совета Народных Комиссаров», принятым Вторым Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., ликвидирован Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 апреля 1963 г.

8 ноября 1917 г. Народным комиссаром юстиции был назначен И. З. Штейнберг; 16 июня 1918 г. – П. И. Стучка. В августе 1918 г., после ухода П. И. Стучки (возглавлявшего с конца 1918 г. Советское правительство Латвии), Наркомом юстиции стал Д. И. Курский, который занимал этот пост до 1928 г.

Народный комиссар юстиции РСФСР одновременно являлся Прокурором РСФСР. Верховный Суд РСФСР, как и прокуратура, входил в состав аппарата Наркомюста, а председатель Верховного Суда одновременно являлся заместителем Народного комиссара юстиции.

На Наркомюст были возложены следующие задачи:

1) организация и инструктирование органов суда, следствия, защиты (адвокатуры) и обвинения (прокуратуры), а равно наблюдение за деятельностью комиссии по делам о несовершеннолетних;

2) рассмотрение, в порядке высшего судебного надзора, судебных решений и приговоров, вступивших в законную силу, подготовка для судебных органов руководящих разъяснений и указаний, наблюдение за законностью (народный комиссар одновременно являлся и Генеральным прокурором);

3) предварительное рассмотрение законопроектов, опубликование и толкование законов;

4) разработка общих мер наказаний, организация исправительно-трудового режима для лиц, лишенных свободы как по приговорам суда, так и в порядке предварительного следствия, а равно заведывание местами лишения свободы;

5) руководство и наблюдение за проведением в жизнь отделения церкви от государства³³.

Одновременно на Наркомюст перешли обязанности Государственного совета, его Особого Отдела и Сената по составлению и опубликованию декретов и по кодификации законов³⁴.

В период работы Народного комиссара юстиции И. З. Штейнберга в состав коллегии Наркомата, кроме самого Наркома, входили: В. А. Алгасов, М. Ю. Козловский, П. А. Красиков, П. И. Стучка и А. А. Шрейдер. В Комиссариате было шесть отделов, второй отдел (законодательных предположений) включал 6 отделений, из них 4-е отделение было по уголовному праву, его возглавлял Черепанов.

Черепанов Донат Андреевич (1886–1920) – член партии левых социалистов-революционеров. С 1896 г. учился в 3-й московской гимназии, в одном классе с поэтом В. Ф. Ходасевичем. Продолжил образование на юридическом факультете Московского университета; по некоторым сведениям также учился в Гейдельбергском университете (старейший и один из наиболее престижных университетов на территории современной Германии). В дореволюционный период, по-видимому, был далек от революционного движения и занимался научной работой. В 1917 г., присоединившись к Партии социалистов-революционеров, стал одним из лидеров левого крыла в Москве. Анонсировал две книги о законодательной, исполнительной и судебной власти в демократической республике в московском издательстве «Буревестник» (не вышли). Участвовал в Демократическом совещании, был избран в Предпарламент. Во время октябрьских боев был сторонником урегулирования вооруженного противостояния. Являлся делегатом всех последующих съездов Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) и Советов

партии, избирался в президиумы 4-го Чрезвычайного и 5-го Всероссийского съездов Советов от левых эсеров, кандидатом в члены Президиума ВЦИК. В феврале 1918 г. один из руководителей и докладчиков на Московском областном съезде ПЛСР. Избирался в МКПЛСР, в Исполком Московского областного Совета в др. структуры. Часто выступал на различных митингах и собраниях; участвовал в работе Комиссии по выработке Конституции, в создании Социалистической академии общественных наук. Один из наиболее активных участников левоэсеровского выступления в июле 1918 г., после провала которого скрывался под Москвой. На 4-м съезде ПЛСР (октябрь) вместе с Д. А. Магеровским выступал за соглашение с большевиками. После съезда Д. А. Черепанов был направлен для руководства партийной работой в Петроград, где вскоре с ним произошла метаморфоза: из сторонника соглашения он превратился в самого резкого противника большевиков. Вместе со своей женой Т. Гаспарьянц возглавил ультралевое крыло ПЛСР, выступавшее за повстанческие методы борьбы с большевизмом и, в частности, за организацию актов террора против виднейших представителей большевизма. В идейном плане это крыло, видимо, стояло на позициях, близких к революционному синдикализму. Во всяком случае, известно, что сам Д. А. Черепанов в качестве позитивной программы (в этот период времени) предлагал передать всю власть профсоюзам (по-видимому, имелись в виду не только рабочие, но и крестьянские профсоюзы, так называемые Союзы Трудового Крестьянства, созданные самими крестьянами при участии социалистов-революционеров и левых социалистов-революционеров в процессе антибольшевистской борьбы). Решительно осудил попытки И. З. Штейнберга и А. А. Шрейдера договориться с большевиками о легализации партии и совместных действиях, назвав их предателями. Под влияние черепановцев или «левейших» подпала значительная часть Петроградской и почти вся Московская организация ПЛСР, распущенная осенью 1919 г. за нарушение партийной дисциплины. Войдя в контакт с «анархистами подполья» и антибольшевистским крылом ПЛСР, Д. А. Черепанов вместе с К. Ковалевичем организовал Всероссийский повстанческий комитет (штаб) революционных партизан и принял участие в подготовке успешного теракта против МКРКП(б) 25 сентября 1919 г. За самочинные действия был отстранен ЦК ПЛСР от партийной работы. Арестован 17 февраля 1920 г., погиб в тюрьме при невыясненных обстоятельствах³⁵.

Для редактирования законопроектов всех Наркоматов создавалось 6-е отделение, редактором был назначен А. А. Шрейдер, он же заведовал библиотеками бывшего Госсовета и Комиссариата юстиции.

Помимо общего руководства И. З. Штейнберг возглавлял первый (личного состава и судопроизводства) и пятый (тюремного управления) отделы (последний – временно).

Исаак Захарович Штейнберг (в еврейских публикациях – Ицхок-Нахмен Штейнберг; 13 июля 1888, Динабург – 2 января 1957, Нью-Йорк) – Народный комиссар юстиции РСФСР с декабря 1917 г. по март 1918 г., член партии левых эсеров, литератор на идише.

Родился в семье купца Зераха Штейнберга и его жены Хьены Эльяшевой (дочь ковенского раввина, сестра еврейского литературного критика Исроэла Бал-Махшовеса). Учился в хедере, Перновской гимназии.

Обучался в Московском университете, где присоединился к эсерам. Был арестован и выслан в Тобольскую губернию на 2 года в 1907 г. После ссылки уехал в Германию и защитил магистерскую диссертацию. После возвращения в Россию занимался адвокатской деятельностью и журналистикой. Во время первой мировой войны вел антивоенную и революционную работу, многократно арестовывался. В 1917 г. работал адвокатом в Уфе, где руководил клубом левых эсеров Уфимской губернии.

Избирался гласным городской Думы, был членом исполкома Уфимского Совета рабочих и солдат.

26 октября 1917 г. осудил восстание в Петрограде. Вошел в состав губревкома комиссаром земледелия. Был избран депутатом Учредительного собрания по списку эсеров от Уфимской губернии. Был членом ЦК партии левых эсеров.

С 10 декабря 1917 г. по март 1918 г. был Наркомом юстиции в СНК РСФСР. Помимо общего руководства Наркомюстом заведовал отделом личного состава и управлением тюрем, являлся редактором отделения уголовного судопроизводства. 18 декабря 1917 г. по ордеру Дзержинского были арестованы некоторые члены Учредительного собрания (как участники «Союза защиты Учредительного собрания»), но И. З. Штейнберг освободил их. 19 декабря 1917 г. подписал «Инструкцию» ревтрибуналу о прекращении систематических репрессий против лиц, учреждений и печати и направил соответствующую телеграмму Советам всех уровней. В декабре 1917–январе 1918 гг. Совнарком несколько раз рассматривал претензии И. З. Штейнберга в адрес ВЧК. 31 декабря 1917 г. СНК по его инициативе принял решение разграничить функции ВЧК и Следственной комиссии при Петросовете.

После скандала, вызванного убийством в ночь с 6 на 7 января 1918 г. А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, 7 января Совнарком, заслушав доклад И. З. Штейнберга, поручил НКЮ «в кратчайший срок проверить основательность содержания в тюрьмах политических заключенных... всех же, кому в течение 48 часов не может быть предъявлено обвинений, освободить».

11 января по его предложению СНК постановил расследовать деятельность членов коллегии Наркомюста, большевиков М. Ю. Козловского и П. А. Красикова, обвиненных И. З. Штейнбергом в противозаконной деятельности. 18 февраля 1918 г. освободил из заключения В. Бурцева. В марте – апреле 1918 г. происходит конфронтация И. З. Штейнберга с Ф. Э. Дзержинским. 15 марта 1918 г. он вышел из состава СНК в знак протеста против заключения Брестского мира и 19 марта в составе Южной делегации ЦК ПЛСР (и) выехал в Курск для организации партизанских отрядов. Оттуда отправился на юг страны, посетил Харьков, Ростов-на-Дону и принял участие во Всеукраинском съезде Советов в Екатеринославе. Избран в Президиум Всеукраинского ЦК ПЛСР (и) от российских левых эсеров. Стал вместе с Б. Д. Камковым и В. А. Карелиным организатором Главного военного штаба левых эсеров в Таганроге. Весной 1918 г. активно участвовал в работе II съезда ПЛСР (и). Выступил с речью, одоблив выход левых эсеров из СНК, и предупредил об опасности возникновения советской бюрократии.

Был арестован ВЧК 10 февраля 1919 г. Провел в заключении 4,5 месяца.

В 1923 г. выехал за границу для работы в Венском Интернационале, после чего ВЦИК лишил его советского гражданства. Жил в Берлине. Вместе с А. А. Шрейдером основал издательство «Скифы».

Представлял партию левых эсеров и Союз эсеров-максималистов в Международном бюро революционно-социалистических партий (Венском интернационале).

И. З. Штейнберг занимался литературной и журналистской деятельностью на идише под именем Ицхок-Нахмен Штейнберг. Был теоретиком территориализма и редактором журнала «Афнишвл» (На пороге).

В 1933 г., после прихода нацистов к власти в Германии, переехал в Лондон. В 1939–1943 гг. жил в Австралии, где безуспешно пытался организовать еврейское поселение.

Умер в 1957 г. в Нью-Йорке³⁶.

Комиссия по подготовке Советского уголовного уложения исходила в первую очередь из необходимости коренной ломки лестницы наказаний. При этом, как указывается в объяснительной записке, авторы Уложения рассматривали личность виновного только с точки зрения опасности для общества, а наказание – как акт законной самозащиты общества от покушений на его существование, право и спокойствие. Меры указанной защиты должны определяться размерами реальной опасности.

Редактированием Советского уголовного уложения занимался А. А. Шрейдер.

Александр Абрамович Шрейдер (псевд. С. Разин, А. Зевин) (? –1930) – философ, политический деятель, публицист, издатель. Сын зубного врача, преподавателя зубоврачебной школы в Екатеринославе. Участник революционного движения, эсер. Получил юридическое образование. В 1917 г. – член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов и Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Участник Демократического совещания (сент. 1917 г.), входил во Временный Совет Республики (предпарламент). Член редакции газеты «Знамя труда». На 2-м Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК, возглавлял отдел Учредительного собрания ВЦИК, позднее был членом ВЦИК 3-го и 4-го созывов. Входил в Центральное бюро левых эсеров, на 1-м съезде партии избран в ЦК. В январе – марте 1918 г. заместитель наркома юстиции, в январе – феврале – председатель Петроградского революционного трибунала печати, с марта – комиссар юстиции в Совнаркоме Москвы и Московской области (обобщил опыт этой работы в книге «Народный суд»). Член комиссии по составлению Конституции РСФСР. Входил в делегацию левых эсеров, направленную в июне 1918 г. в Швейцарию для установления контактов с левыми социалистами Запада: в Женеве члены делегации основали заграничное издательство партии, выпускавшее литературу на трех языках, но в октябре 1918 г. они были высланы из Швейцарии вместе с посольством Советской России. Редактор-издатель легального левозэсеровского журнала «Знамя» до ареста в феврале 1919 г. в связи с «заговором» левых эсеров. В Бутырской тюрьме написал «Очерки философии народничества». Освобожден в августе 1919 г. Вместе с И. З. Штейнбергом возглавлял фракцию левых эсеров, был сторонником легализации партии. Осенью 1919 г. выехал из Москвы под видом дипломатического курьера персидского шаха в составе группы возвращавшихся на родину грузин; намеревался пробраться в Швейцарию, где хранились партийные деньги левых эсеров, был задержан в Новоград-Волыньске польскими военными властями, арестован (при этом у него была отобранана расписка Федерального банка Швейцарии на 50 тыс. франков). До 1 августа 1920 г. находился в заключении в Варшаве. После заступничества депутатов сейма был освобожден, выехал в Рим, затем перебрался в Берлин (1921). Издал книгу «Республика Советов» (Берлин, Милан, 1920), в 1921 г. под его редакцией вышли два номера «временника литературы, политики и искусств» – «Знамя» (на рус., нем., итал. яз.). Один из создателей и руководителей основанного в сентябре 1920 г. в Берлине издательства «Скифы», которое поставило задачу «ознакомить русского и иностранного читателя с Россией переходной эпохи в областях поэзии, литературной критики и политики». Летом 1921 г. А. А. Шрейдер обратился с радио-запросом к В. И. Ленину и г. В. Чичерину о разрешении ему приехать в Россию для отчета перед центральными органами партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР). В августе прибыл в Москву, вел переговоры с А. Белым, Р. Ивановым-Разумником, и др. об образовании в Берлине «Скифской академии» – ответвления Вольфиллы (Вольной философской ассоциации). Ввиду угрозы ареста осенью вернулся в Берлин; впоследствии был лишен советского гражданства. На состоявшемся 5 декабря 1921 г. организационном собрании учредителей берлинского отделения Вольфиллы, «ставящей себе целью исследование и разработку в духе философии вопросов культурного творчества, вне всякой партийности и партийных устремлений», был избран секретарем Совета отделения. Принимал участие в работе берлинского Дома искусств. В 1922 г. «Скифы» начали выпускать «международное обозрение современного искусства» – «Вещь» (под ред. И. Эренбурга и художника Эль Лисицкого). В 1923 г. в издательстве «Скифы» вышла книга А. А. Шрейдера «Очерки философии народничества». В 1922 г. вместе с Ф. Брауном и Е. Лундбергом организовал Комитет помощи голодающим в России, написал обращение к трудящимся всего мира о голоде в России. Представлял левых эсеров в Международном рабочем объединении социалистических партий (Венском Интернационале), образованном в феврале 1921 г. Участвовал в его учредительной конференции и в Международной конференции трех Интернациона-

лов в Берлине (апр. 1922 г.). Вел переговоры с западными революционными синдикалистами и левыми коммунистами об образовании 4-го Интернационала (план не был реализован); вместе с И. З. Штейнбергом представлял в Международном бюро революционно-социалистических партий (Париж) заграничную делегацию ПЛСР и Союза эсеров-максималистов. Принимал участие в выпуске бюллетеня левых народников – «Знамя борьбы» (1924–1930). В 1929 г. выпустил в Париже работу с книжной маркой «Скифов» «Тетрадь о Достоевском (Из записок читателя)». Покончил жизнь самоубийством ³⁷.

Уложение построено по пандектному принципу, состоит из семи разделов. Первый раздел объединяет нормы Общей части, остальные – Особенной. Разделы поделены на главы, некоторые из последних – на отделения, которые охватывают согласно нумерации 378 статей (фактически 380), 55 из них относятся к первому разделу.

Первый раздел состоит из гл. 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще», которая включает восемь отделений:

- 1) положения общие;
- 2) о пространстве действия Уголовного уложения;
- 3) о наказаниях;
- 4) об условиях вменения и преступности деяний;
- 5) о видах виновности;
- 6) о смягчении и замене наказаний;
- 7) об обстоятельствах, усиливающих ответственность;
- 8) об обстоятельствах, устраняющих наказуемость.

Уложение содержит следующие группы деяний:

- а) преступления против государства и государственного управления;
- б) преступления против общественного порядка и спокойствия;
- в) преступления против личности;
- г) преступления против имущественных прав;
- д) преступления против народного хозяйства;
- е) преступления по должности.

Глава II

Уголовный закон

Вопрос об уголовном законе в целом теоретический. Наука уголовного права вырабатывает его определение, выделяет признаки, строение и т. д. Причем надо заметить, что эта проблема стала изучаться намного позже, чем другие уголовно-правовые вопросы³⁸.

В литературе уголовный закон рассматривали, как правило, в двух значениях: широком и узком. Так, по мнению П. А. Фейербаха, *«наказательным законом (Lex poenalis) в пространном смысле называется каждый закон, относящийся к преступлениям и наказанию оных. В тесном смысле закон есть определенное или точное объявление о необходимости чувственного зла на случай нарушения известного какого права»*³⁹.

Уголовный закон, как считает автор, обращен, во-первых, ко всем гражданам как возможным преступникам, поскольку посредством психологического принуждения и угрозой предусмотренного им наказания демонстрирует силу и действие власти; во-вторых, адресован государственным чиновникам и служащим, осуществляющим судебную власть, которые обязаны применять закон против действительных преступников. «Из качества закона вообще следует в рассуждении наказательного закона необходимо: 1) что наказательный закон есть действителен сам по себе. Применение его не может сначала зависеть от особого суждения о его приличии или правомерности; что *наказательный закон есть действителен для всех содержащихся в нем случаев*. Ни единый, под наказательный закон подходящий случай, который имеет на себе признаки законного предположения наказательности, не исключается от применения правомерного последствия закона, разве случай сей особым каким законным основанием исключен будет»⁴⁰.

Таким образом, автор подчеркивает, что применение уголовного закона не требует предварительной оценки свойств, лежащих в его основе (моральных, нравственных, гуманистических, политических, религиозных, правовых и др.). Уголовный закон – всеобщ, применяется ко всем случаям, указанным в нем в качестве преступных деяний. Исключение из этого правила возможно только в одном случае – наличие изъятия, предусмотренного специальным законом.

Достаточно неопределенное понятие уголовного закона предлагает А. Ф. Бернер. По его мнению, «уголовным законом называется воля государственной власти, высказанная по отношению к преступлениям, согласно учредительным (конституционным) законам»⁴¹. Из этой дефиниции можно сделать ошибочный вывод о том, что преступление якобы существует само по себе, вне уголовного закона; последний не определяет его, а лишь отражает отношение к нему волю государственной власти. Это, разумеется, не так. Только уголовный закон формулирует понятие преступления, определяет перечень деяний, условия ответственности и наказуемости за их совершение. То обстоятельство, что в разные периоды истории уголовно-правовые нормы содержались в актах неуголовно-правового характера, не влияет на сказанное.

Н. А. Неклюдов трактовал уголовный закон в обширном (широком) и тесном (собственном, узком) смысле. Под уголовным законом в обширном смысле слова предлагалось понимать всякое законодательное постановление, касающееся уголовного правосудия, в тесном смысле слова – законодательный запрет или приказ, нарушение или неисполнение которого гарантируется предусмотренным им наказанием⁴². По сути, таким же образом определяет уголовный закон А. Ф. Кистяковский: «Уголовным законом называется постановление, которым запрещается или повелевается что-нибудь под страхом наказания»⁴³.

Н. Д. Сергеевский критикует указанный подход к определению рассматриваемого понятия, замечая, что «противоположение норм охраняемых и уголовного закона не всегда созна-

ется в литературе»⁴⁴. Сам он, рассматривая уголовный закон в «обширном смысле слова», видит в нем «всякое, имеющее законную силу, т. е. обязательное для суда и граждан определение (закон в тесном смысле и обычное право), касающееся преступных деяний и наказаний»⁴⁵.

Думается, критика Н. Д. Сергеевским позиции А. Ф. Кистяковского и Н. А. Неклюдова безосновательна. Сформулированные указанными авторами дефиниции, в целом отражающие точку зрения Биндинга, выдержали испытание временем и в основном восприняты современной наукой уголовного права⁴⁶. Н. Д. Сергеевский же, как думается, смешивал уголовный закон как источник уголовного права и объект уголовно-правовой охраны. Это видно из следующих его рассуждений: «Уголовный закон, или правоположение, на основании которого преступник наказывается, существенно разнится от того правоположения, которое он, совершая преступное деяние, нарушает. Мы не можем сказать, что преступник нарушает уголовный закон»⁴⁷. Последний нарушает известные запреты, на которые в уголовном законе есть лишь ссылки. Преступник нарушает правила: не убей, не укради, не совершай поджога и т. д. Именно за их нарушение он подвергается воздействию закона, т. е. терпит наказание. «Таким образом, мы должны различать, с одной стороны, уголовный закон, определяющий за то или другое преступное деяние известное наказание, а с другой – те правовые нормы или обязательные для всех приказы и запреты, что делать и чего не делать, за нарушение которых виновные подвергаются действию уголовного закона... Уголовный закон включает в себе лишь общие определения наказаний за такие действия; но ясно, что именно это определение наказания предполагает предварительный запрет»⁴⁸.

Н. С. Таганцев, формулируя понятие уголовного закона, также писал, что им признается «повеление, в установленном порядке от верховной власти исходящее, которым определяется уголовная ответственность за посягательство на нормы права»⁴⁹. Но при этом автор соотношение указанных норм и уголовного закона воспринимал иначе, чем, например, Н. Д. Сергеевский. По мнению Н. С. Таганцева, норма есть всегда логическое, но не всегда фактическое предположение уголовного закона, «она может существовать независимо от закона уголовного в виде нормы неписаного права или в виде закона, но она может быть и неразрывно слита с уголовным, распознаваема только из него; в этом последнем случае вполне возможно, что норма возникает одновременно с уголовным законом, живет и видоизменяется с ним и вымирает с его отменой»⁵⁰.

П. П. Пусторослев не формулирует понятия уголовного закона, а называет условия, которым должно соответствовать повеление, признаваемое в качестве такового:

1. Необходимо, чтобы оно было издано органом верховной власти государства;
2. Требуется, чтобы это повеление было надлежащим образом обнародовано;
3. Повеление должно содержать в себе какое-либо общее правило или исключение из общего правила относительно уголовных правонарушений или наказаний, либо содержать запрещение или предписание совершения какого-либо действия под угрозой наказания за нарушение этого запрета или за неисполнение приказа как за уголовное правонарушение⁵¹.

Автор, как и другие дореволюционные ученые, также различает уголовный закон в обширном и тесном значении, однако вкладывает в такое деление совершенно иной смысл, чем было до него. «Если повеление, удовлетворяя первым двум условиям, – пишет П. П. Пусторослев, – содержит в себе только какое-нибудь общее правило или исключение из общего правила относительно уголовных правонарушений или наказаний, а тем более тех и других вместе; в таком случае это повеление называется уголовным законом в обширном смысле слова. Такими законами наполнена общая часть уголовных уложений.

Если же повеление, удовлетворяя двум первым условиям, включает в себе запрещение или предписание какого-либо определенного действия, под угрозой наказания за нарушение

этого запрета или за неисполнение этого приказа как за уголовное правонарушение; в таком случае это повеление называется уголовным законом в тесном смысле слова. Такими законами наполнена особенная часть уголовных уложений»⁵².

Наряду с общетеоретическими вопросами проблема уголовного закона имеет и прикладные аспекты, которые, как правило, находят отражение в законодательном акте. В первую очередь речь идет о действии уголовного закона во времени и в пространстве, последний момент, как известно, охватывает и действие закона по кругу лиц.

В Советском уголовном уложении отд. 2 гл. 1 разд. 1 называется «О пространстве действия Уголовного уложения», однако содержание норм, интегрированных в нем, шире его названия – ряд норм посвящены действию закона во времени. По сути, также можно охарактеризовать и отд. 2 «О пространстве действия уголовного уложения» гл. 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще» Уголовного уложения 1903 г.

В теории уголовного права под временем действия уголовного закона понимается период, характеризующийся временем его вступления в законную силу и утраты силы. Следовательно, действующим считается закон, который вступил в силу после его обнародования или вследствие наступления особо указанных для него обстоятельств и не отменен новым законом либо не утратил силу по иным основаниям⁵³. Н. С. Таганцев замечает, что «установлением этих признаков еще не разрешается вопрос о том, по отношению к каким именно юридическим отношениям, действиям или событиям воспримлет силу закон в момент вступления в действие или утрачивает силу в момент прекращения действия, или, формулируя иначе, какие отношения, действия или события нормируются законом с момента вступления его в действие и какие продолжают оставаться под господством закона прежнего?»⁵⁴.

Из сказанного автором видно, что при ответе на этот вопрос он предлагает исходить из нормирующего закона или нормируемого отношения. Исходные позиции столь разные, что они приводят к выводам, имеющим существенные различия как в формулировках, так и практическом значении, так как в одном случае во главу угла ставится политический аспект, в другом – юридический.

Первый подход отражен в законодательстве XIX в. и предполагает, что закон: а) действует только на будущее время; б) не имеет обратной силы; в) не распространяется на деяния, совершенные до его вступления в силу. Другими словами, отношения, которые имели место до вступления нового закона в силу, последним не регулируются; отношения, которые возникли после вступления его в силу, охватываются только им. В нем заложена идея общественного порядка и обеспечения гарантий прав личности.

При переносе акцента на юридический аспект подчеркивается, что деяние получает юридическую оценку по закону, действующему в момент его совершения. «Деяние считается учиненным при действии того уголовного закона, при действии которого закончилось осуществление законного состава той стадии, на которой остановилось осуществление данного уголовного правонарушения в данном случае. Деяние признается учиненным до вступления закона в действие, если до этого времени осуществился весь законный состав этой стадии преступления, предусмотренный этим законом. Если же осуществление состава, свойственного данному уголовному правонарушению, началось при действии одного уголовного закона, а закончилось при действии другого; в таком случае признается, что деяние учинено при действии второго закона»⁵⁵.

Однако надо иметь в виду, что законодатель может сделать изъятие из общего правила действия нового закона. Не нарушая юридической логики, он может постановить, что определенная группа общественных отношений по-прежнему будет регулироваться предыдущим законом, причем объем этого изъятия может быть значительным и по сути разнообразным. В

этом случае сохраняет свое значение коренной правовой принцип, согласно которому любое отношение, действие или событие охватываются действующим уголовным законом.

В теории уголовного права в XIX в. сложились четыре подхода к определению действия уголовного закона во времени:

а) преступность деяния устанавливается только законом, действовавшим во время его совершения;

б) преступность деяния закрепляется законом, действовавшим во время его совершения; закон, устраняющий преступность деяния или смягчающий наказание за его совершение, имеет обратную силу;

в) всегда применяется новый закон, однако если он устанавливает преступность деяния или усиливает наказание, то такой закон обратной силы не имеет;

г) новый закон применяется ко всем деяниям, признававшимся преступными до его издания, но подлежащими суду и наказанию после его издания⁵⁶.

Дореволюционная уголовно-правовая доктрина считала аксиомой положение, согласно которому действие закона направлено только в будущее. Однако при этом признавала и его обратную силу. «Основание для этого заключается в том, что исправление погрешности закона есть официальное признание прежней его несправедливости или недостаточности, которая, засим очевидно практикуема быть не может. Отсюда то общее правило, что при столкновении старого и нового закона обратную силу имеет закон более снисходительный к участи подсудимого...»⁵⁷.

Исключение в пользу более мягкого закона обосновывается различными соображениями: требованием справедливости, гуманности, стремлением ограждения личности от произвола властей, отсутствием карательного права государства в отношении тех деяний, которые не признавались преступными во время их совершения, и др.⁵⁸

Позиция Н. Д. Сергеевского по рассматриваемому вопросу была своеобразной. Он исходит из правила, согласно которому преступность деяния должна определяться законом, действовавшим во время его совершения, а наказание должно назначаться по закону, который действует во время постановления приговора. Таким образом, в этом случае преступление и наказание он рассматривает изолированно друг от друга, считая, что «преступное деяние и наказание суть два отдельных момента, два совершенно самостоятельных факта»⁵⁹.

Допуская смягчение наказаний, предусмотренных новым законом за деяния, совершенные до его принятия, он указывает: «Такое переживание старых законов, выражающееся в форме смягчения более строгих наказаний, назначаемых новыми законами (но не в форме применения старых законов), кроме соображений гуманности и снисхождения к преступнику имеет основание более прочное: возвышение наказаний за известные преступные деяния вызывается в наше время почти всегда какими-либо временными, преходящими условиями общественной жизни; деяние, учиненное до издания нового закона, предполагается совершившимся вне этих условий, а потому и не требующим наказания свыше прежней меры»⁶⁰.

Действие уголовного закона в пространстве является предметом исследования не только в уголовном праве, достаточное внимание ему уделяется и в международном праве⁶¹.

Н. С. Таганцев пишет, что закон как выражение авторитетной государственной воли, действует в пределах государства, где властвует эта воля. В современном мире государства не изолированы друг от друга, достаточно часто и по многим вопросам соприкасаются между собой, в том числе и при применении уголовного закона. Поэтому рассматриваемая проблема имеет как минимум два аспекта: во-первых, пределы действия уголовного закона в пространстве (территориальные пределы действия); во-вторых, основания разрешения коллизий, возникающих при реализации уголовного законодательства отдельных стран⁶².

Следует заметить, что в уголовно-правовой литературе XIX в. нет единого подхода к определению соотношения действия закона в пространстве и по кругу лиц. Одни авторы считают, что основным является принцип действия уголовного закона по кругу лиц, а территориальный принцип выступает лишь одной из характеристик первого принципа. Так, А. Ф. Кистяковский пишет: «Действием уголовного закона по отношению к лицам управляют три принципа:

- а) принцип территориальности;
- б) принцип личного подчинения и
- в) принцип общественного самосохранения»⁶³.

Первый принцип состоит в том, что лицо, совершившее на территории государства деяние, запрещенное уголовным законом, подлежит ответственности по законам данной страны. Принцип личного подчинения означает, что если на территории какого бы то ни было государства виновный совершил преступление, на него распространяется действие закона его отечества. Принцип общественного самосохранения выражается в том, что иностранный гражданин, совершивший на территории своей страны или на территории другого государства преступление против третьего государства, в определенных случаях может нести ответственность по его законодательству.

Из этих трех принципов основным является принцип территориальности, охватывающий, по сути, абсолютное большинство деяний, совершаемых как собственными гражданами, так и иностранцами, и лицами без гражданства⁶⁴. А. Ф. Бернер подчеркивает, что принцип территориальности вытекает из державности государства, его право наказывать за все преступления, совершенные на его территории, в том числе и иностранцев. «Иностранец, находящийся в нашей государственной области, настолько же охраняется уголовными законами нашего государства, насколько и обязывается ими»⁶⁵.

П. П. Пусторослев действие уголовного закона в пространстве и по кругу лиц рассматривает как самостоятельные принципы. Кроме них он выделяет еще четыре принципа: принцип уголовной безответственности царствующих иностранных государей; национальный принцип; реальный принцип и принцип уголовной безответственности царствующего туземного государя⁶⁶.

По мнению автора, в целях обеспечения всестороннего, наибольшего народного благосостояния действие территориального принципа в качестве общего правила необходимо частично дополнить, частично же ограничить действием национального принципа в качестве исключения. П. П. Пусторослев выделяет одиннадцать таких исключений:

1. Подданный государства, учинивший на территории другого государства преступное посягательство на блага, принадлежащие его отечеству, главе отечества или соотечественнику, подлежит уголовной ответственности по уголовному законодательству своего отечества с учетом определенных ограничительных условий;

2. Подданный государства, совершивший на территории иностранного государства преступление, посягающее на блага, принадлежащие последнему, его главе или иностранцам, подлежит ответственности по уголовному законодательству своего отечества с учетом ограничительных условий, например, деяние не должно составлять политического преступления или проступка, не допускающего выдачи виновного лица;

3. Подданный государства, учинивший на территории некультурного государства какое бы то ни было преступное деяние, подлежит за это ответственности не по туземному законодательству, а уголовному закону своего отечества. Это изъятие обусловлено потребностью некультурного государства оградить, во-первых, себя, своего главу и своих подданных от преступных деяний со стороны последних; во-вторых, иностранные государства, их глав и подданных от преступных деяний со стороны своих подданных, чтобы в свою очередь в силу принципа вза-

имности аналогичным образом оградить свое отечество; в-третьих, своих подозреваемых или преступников от излишнего гнета другого государства;

4. Подданный, учинивший на территории, не принадлежащей ни одному государству, преступное посягательство на блага своего отечества, его главы или соотечественников, подлежит ответственности по уголовному закону своей страны с учетом определенных исключений;

5. Подданный, совершивший на ничейной территории посягательство на блага иностранного государства, его главы или иностранцев, несет ответственность по уголовному закону своего отечества с учетом определенных ограничительных условий;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.